



Г. А. Шпилевая,
М. М. Сулима

А. В. КОЛЬЦОВ В РУССКОЙ КРИТИКЕ... И БЕЗ КРИТИКИ...



В октябре 2009 г. исполняется 200 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка, замечательного поэта (которого по праву называют народным) Алексея Васильевича Кольцова.

При жизни, горькой и трагической, Кольцов был замечен и высоко оценен самыми талантливыми и интеллектуальными современниками.

Одним из первых стихи воронежского поэта прочитал Н. В. Станкевич, затем состоялось знакомство Кольцова с В. Г. Белинским, переросшее в крепкую дружбу.

Народный поэт тесно общался с В. А. Жуковским, который называл Кольцова человеком «замечательным», виделся с ним в столице, а также посвятил общению с ним долгие часы во время посещения Воронежа в июле 1836 г. Жуковский приехал с цесаревичем Александром и почтил своим вниманием воронежские достопримечательности и ярких и уважаемых людей города. Самым интересным для него был, видимо, Кольцов.

Особого внимания заслуживает встреча «поэта-прасола» с Пушкиным. Посещение Кольцовым квартиры великого русского писателя в Петербурге было знаменательным событием для обоих литераторов. История их встречи приобрела форму мифа, что в свое время вдохновило художника П. Бореля написать достаточно наивную картину «Кольцов у Пушкина».

Воронежского мешанина принимал князь П. А. Вяземский, написавший в 1837 г., что поэзия Кольцова — настоящая, а сам он — «дитя природы», «скромный, простосердечный». Встречам с наезжавшим в Москву и Петербург поэтом действительно радовались такие деятели русской литературы, как князь В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев, Е. П. Гребенка, Ф. Н. Глинка, В. П. Боткин, К. С. Аксаков и многие другие.

Безусловно, воронежский «поэт-prasol» и «поэт-купец», одетый с провинциальным

мешанским шгольством, вызывал у перечисленных «вельмож» (выражение Кольцова) и этнографический интерес, однако очевидно то, что он поразил самых образованных людей своего времени, прежде всего, уникальным талантом, «простотою и наивностию выражения», «искренностию чувства». Это мнение Белинского.

Впоследствии о своем глубоком интересе к Кольцову писали и говорили А. И. Герцен и Н. П. Огарев, Ап. Г. Григорьев и В. Н. Майков, Н. А. Добролюбов, А. Я. Панаева и Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой и М. Е. Салтыков-Шедрин, Г. И. Успенский и А. П. Чехов. Успенский в своем замечательном цикле очерков «Крестьянин и крестьянский труд» утверждал, что для русской культуры никогда не было «пустым» выражение — «поэзия земледельческого труда». Искусство Кольцова и есть не что иное, как поэзия « власти земли», которая обусловила труд и досуг, веру и традиции русского человека. Успенский в своих крестьянских очерках очень точно указал на роль Кольцова в русском искусстве: «Никто, не исключая и самого Пушкина, не трогал таких поэтических струн народной души, народного мироизмерения, воспитанного исключительно в условиях земледельческого труда, как это мы находим у поэта-prasola».

Кольцовские образы оказались близкими И. С. Тургеневу, и герой его очерка «Смерть» («Записки охотника») вспоминает стихи поэта в драматический момент своей жизни.

Творчество народного поэта оказало большое влияние на Н. А. Некрасова и И. С. Никитина, Л. Н. Трефолева, И. З. Сурикова, С. Д. Дрожжина, С. А. Есенина и А. Т. Твардовского. Образ Кольцова присутствовал в лирическом сознании и тех поэтов, которых народными назвать трудно. Например, О. Э. Мандельштам во время своей ссылки со-поставлял себя с воронежским поэтом, называл Воронеж «мачехой Кольцова». Кольцовс-

кий «сокол» соединился с горькими образами опального поэта XX в.: «Я около Кольцова / Как сокол закольцован, / И нет ко мне гонца, / И дом мой без крыльца...».

На стихи народного поэта написано более 700 песен и романсов, а авторами музыки являются такие признанные композиторы, как М. Глинка и А. Даргомыжский, А. Рубинштейн и М. Мусоргский, Н. Римский-Корсаков и С. Рахманинов. Всех этих музыкантов вдохновили «чудные кровно-родные песни» (А. Герцен), их несомненная естественность и «подлинность» (Н. Скатов).

Настоящая небольшая статья, безусловно, не претендует на полное освещение критической литературы о нашем выдающемся земляке, в ней лишь дается ее краткий аналитический обзор. Цель нашей работы — попытаться пробудить интерес к дальнейшему изучению жизни и творчества Кольцова, поэта, не «потерявшегося» рядом с такими гениальными творцами, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов. Негромкий голос Кольцова звучал и нес современникам очень важную для них духовную информацию.

Сейчас некоторые ученые-филологи (стиховеды, фольклористы), отдельные краеведы высказываются о том, что о Кольцове уже все написано и ничего нового сказать о нем нельзя. Думается, что это неверное убеждение. Нам представляется, что изучение творчества Кольцова нужно выводить на новый уровень. Много интересного таит в себе поэтика кольцовского стиха с его сложными и интересными отношениями между тоникой и силлабо-тоникой. Совершенно не исследованы уникальные клаузулы, композиционные новации этого поэта. Для краеведов может открыться (в рамках «забытого и второстепенного») много нового в отношениях Кольцова с воронежскими поэтами, которых, по словам самого «поэта-прасола», было «многовато» («штук двадцать пять») для совсем небольшого в то время города.

Изучение творчества «гениев» и литературных «генералов» (А. Веселовский) не может быть по-настоящему полным и плодотворным без исследования других разделов искусства: беллетристики и «массовой» (низовой) литературы. В «классики» творцы всех видов искусства попадают не сразу, все они проходят долгий и порой тяжкий путь. «Второразрядная» литература не диктует моду, не открывает нового и ценного, но она, по словам Белинского, делает «высокое» искусство «блестящим» и «богатым», популяризируя его. Кроме этого, беллетристика и поэзия

«второго» ряда дают возможность особенно ясно представить тенденции того или иного периода в искусстве.

Итак, попытаемся кратко очертить тот круг вопросов, который затрагивали некоторые русские критики и литературоведы, интересовавшиеся творчеством народного поэта.

Одним из первых, как известно, на новый поэтический голос откликнулся Белинский, который в одной из своих статей, еще при жизни поэта (1835), написал, что его стихи — «вырвавшиеся из души».

В. Г. Белинский, как это случилось и при его первом знакомстве с творчеством Ф. М. Достоевского, в радостном изумлении и восторге остановился перед свежим явлением отечественной литературы, чтобы затем активно его поддерживать, популяризировать, «направлять». Выдающийся критик очень объективно и корректно высказался о столь органичном для русского менталитета и литературы явлении, как Алексей Кольцов: «Он владеет талантом небольшим, но истинным, даром творчества неглубоким и несильным, но неподдельным и ненатянутым, а это, согласитесь, не совсем обыкновенно, не весьма часто случается».

В 1835 г., еще при жизни поэта, Белинский достаточно спокойно писал об окружении и семье Кольцова (после его смерти, последовавшей в 1842 г., суждения критика переросли в обличение обидчиков и гонителей воронежского литератора), изучая черты характера биографического автора, помогающие приблизиться к сути его творчества: «Кольцов — воронежский мешанин, ремеслом прасол. Окончив свое образование приходским училищем, то есть выучив букварь и четыре правила арифметики, он начал помогать честному и пожилому отцу своему в небольших торговых оборотах и трудиться на пользу семейства. Чтение Пушкина и Дельвига в первый раз открыло ему тот мир, о котором томилась душа его, оно вызывало звуки, в ней заключенные».

Все последующие биографы и исследователи творчества Кольцова отмечают глубокое проникновение в текстах стихотворений, страстное сочувствие жизненным драмам поэта, а также фактические неточности, которые допустил «неистовый Виссарион». Безусловным является то, что Белинский любил и ценил Кольцова как неординарную глубокую личность, как необыкновенно умного критика литературных произведений и единомышленника.

О Кольцове в журнале «Сын отечества» (1836) появилась статья Я. Неверова, в 1867 г. П. Малыхин опубликовал в «Отечественных записках» свою работу «Кольцов и его неизданные стихотворения», были и другие достаточно интересные заметки о творчестве поэта, биографические «разыскания», но мы остановимся на известной работе воронежского критика М. Ф. де Пуле «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке», которая вышла в 1878 г. в Петербурге.

О самом М. де Пуле было сказано и написано много ценного, положительного и интересного, но много и негативного. Критиковали «воронежского француза», как правило, за его не всегда положительную оценку трудов Белинского. Однако воронежские краеведы (как и многие современные литературоведы) высоко оценили де Пуле, оставившего достаточно заметный след в русской критике XIX в. Исследователь В. И. Кузнецов отметил, что с именем де Пуле «в культурной жизни Воронежа связано немало замечательных страниц» (см. Взлет и падение де Пуле // Я Руси сын!.. Воронеж, 1974. С. 97). О. Г. Ласунский и А. Н. Акиньшин посвятили видному «литературному критику, публицисту, краеведу, педагогу, общественному деятелю» обширную статью в «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (2006).

Работу М. де Пуле о Кольцове читать сейчас интересно, и особую ценность она представляет для воронежцев потому, что в ней по-новому открываются привычные нашему слуху названия: Чернавский (он же Поповыночный) спуск, слобода Чижовка, где «была сосредоточена вся городская жизнь» и «был ее пульс», улица Гусиновка, на которой «испокон века» жили мещане Кольцовы.

Надо отметить, что рассматриваемый нами очерк очень добросовестно выполнен с точки зрения фактографии (щедро цитируются такие исследователи, как В. Белинский, Н. Станкевич, П. Малыхин, А. Юдин, анализируются архивные документы) и безукоризнен в плане композиционной логики. Говоря о воронежском губернаторе Д. Н. Бегичеве (ему Кольцов посвятил одно из стихотворений), который также известен как автор популярного в свое время романа «Семейство Холмских», критик отмечает, что герой его произведения был воронежский богач Викулин. О Викулине же речь зашла и потому, что ему принадлежала роща, где часто гулял Кольцов и где он беседовал со своим другом Серебрянским, личностью тоже замечательной.

М. де Пуле называет фамилии ныне совершенно забытых воронежских литераторов того времени (баснописец Волков, поэты Артемьев, Введенский, Дараган, Усов), и оживает эпоха, мы как будто бы присутствуем на литературных «сборищах», где бывали гимназисты, семинаристы, куда приходил и сам Кольцов.

Биограф проявляет и человеческую страсть. Например, говоря о первом любовном переживании поэта, критик отмечает «светлое поэтическое содержание» стихов (например, «Звезда»), посвященных крепостной девушке Дуняше. «Последнее» же чувство Кольцова, видимо, не вызывало сочувствия у критика, и В. Г. Лебедева названа «Лебедихой» — именно так окрестила эту женщину воронежская молва.

М. де Пуле умел тонко и интересно анализировать стихотворения Кольцова, особенно ему удавалось сопоставление точек зрения биографического автора и лирического героя. В этом можно убедиться, прочитав «критический разбор» стихотворения «Скучно и безрадостно / Я провел век юности...», где содержание «лирического свидетельства», по мнению де Пуле, продиктовано жанровым мышлением (в данном случае — элегическим): «Эти стихи принадлежат уже литератору-Кольцову и выражают его литературный взгляд на свое прошлое, на раннюю юность».

Критик очень скрупулезно анализирует чувства Кольцова к Лебедевой, стихи, написанные в 1839 г. и посвященные ей (...Как холодна твоя рука! / Как тяжело нам проходить / Перед язвительной толпою...), злосчастную историю с отцовскими быками, но особенно проникновены строки, в которых содержатся личные воспоминания о последних месяцах жизни поэта: «Оканчивая в то время свой гимназический курс, мы не раз встречали, по весне и вплоть до июля, Алексея Васильевича, бледного и понурого, медленно прогуливающегося по Дворянской улице и по другим воронежским гульбишам».

Будучи современником Кольцова, живя с ним в одном городе, критик делает весьма ценные выводы психологического плана. М. де Пуле убедительно доказывает, что поэт поначалу любил прасольские занятия и все, что им сопутствовало: верховую езду, «летние радости», хороводы, запах степей и полей. Критик и вдумчивый биограф справедливо полагал, что в 1830-е гг. поэт еще не тяготился прасольскими заботами и своим ближайшим окружением (родственниками). Непреодолимое раздражение пришло позже — в 1840-е гг., когда про-

славившийся Кольцов, с одной стороны, хотел уехать в столицу, с другой — не мог окончательно порвать со своей средой.

В ХХ в. наш выдающийся земляк также не был забыт критиками и литературоведами, и дело здесь не только в «разрешенности» со стороны власти на положительные высказывания о Кольцове. В данном случае сыграла роль и читательская любовь к истинно русской поэзии, к подлинному выражению народного характера.

Стихи Кольцова издавались, его песни пелись, и мы остановимся на одном из сборников стихотворений поэта, вернее, на предисловии к нему, выполненному А. А. Плоткиным.

Автор вступительной статьи задает вопрос, который волнует каждого, кто так или иначе соприкасается с таким явлением, как поэзия Кольцова, человека, писавшего не по правилам русского языка хотя бы потому, что он их не знал. При этом Кольцова любили те, кто был дружен с Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем. «Какими же чертами своего дарования Кольцов выдвинулся в первые ряды русских писателей» (Плоткин А. А. А. В. Кольцов. [Вступительная статья] // А. В. Кольцов. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 5), почему он был интересен как этим писателям, так и простому питерскому мастеровому, московскому извозчику, воронежскому купцу? Исследователь Плоткин отвечает на эти закономерные вопросы следующим образом: «Кольцов занял свое место в литературе именно потому, что он отвечал требованиям эпохи и открыл своей поэзией неведомые доселе стороны жизни, принес с собой новую тему и нового героя».

А. А. Плоткину удалось сделать плодотворные замечания и о поэтике произведений Кольцова. Вот что он пишет о ритмике: «Стихи отличаются тем, что двухстопный хорей замыкается дактилическими окончаниями. Это сочетание образует некий новый пятистопный размер: каждая строка состоит из пяти слогов, объединенных одним ритмическим ударением на третьем слоге» (там же. С. 40).

В 1950-е гг. вышло несколько работ воронежского исследователя В. А. Тонкова, они, как и книга М. Ф. де Пуле, интересны, прежде всего, жителям нашего города. Тонков добросовестно собрал и изложил сведения о воронежском круге общения поэта (о брате поэта Д. В. Веневитинова — А. В. Веневитинове, помешике А. Н. Черткове, местном враче И. А. Малышеве), о том, что «в доме Кольцова бывали редактор “Морского сборника”

С. П. Крашенинников, А. В. и И. В. Станкевичи, журналист и писатель В. И. Аскоченский, учитель-пианист С. Н. Нагаев, поэт А. Н. Кареев, воронежские педагоги Н. А. Добровольский, С. Я. Долинский» (Тонков В. А. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж, 1958. С. 140).

В 1970—1980 гг. о поэзии Кольцова писал петербургский исследователь Н. Н. Скатов, отмечавший, что этот поэт «осуществил уникальный в своем роде эстетический акт, очень значимый в деле становления, а отчасти и восстановления национального мироощущения. Он перевел народно-поэтическое, эпическое, часто древнее сознание на язык современной жизни, на язык индивидуальности» (Скатов Н. Н. Кольцов. М., 1983. С. 62).

Н. Н. Скатов «заступался» за Кольцова, говоря, что он был безграмотен как «нововводитель» и «сильный поэт», «переделывающий язык на свой лад» (там же. С. 78). Этот исследователь первым заметил, что замечательные письма Кольцова (их всего 70) — это художественная проза поэта, его философия, эстетика и исповедь. Он уверен, что Кольцов не был только крестьянским поэтом. Это действительно так: в «корявых», совершенно нелитературных (просторечных) выражениях кроется высокая поэзия, раскрываются общечеловеческие проблемы.

В раннем стихотворении («Послание молодой вдове», 1828) уже проявилось сочетание кольцовской языковой «дикости» первооткрывателя и беззащитной искренности, народной философичности:

Всевышним Богом — не людями
Тебе назначено страдать...

Трудно сказать, где здесь кроется поэзия, но она, безусловно, есть!

Кольцов умел создать и разрешить лирическое напряжение, осуществить переход прозы быта и труда в поэзию праздника. В «Ночлеге чумаков» (1828) зачин напоминает эпическое неспешное повествование:

Чумак разделый, бородатый,
Поджавшись на ногах, сидит
И кашу с салом кипятит...

«Чумаки», «хохлы чумазые, седые», усатые «хлопцы», готовящиеся поужинать кулешом, казалось бы, далеки от поэзии, но молодой Кольцов совершает какой-то непостижимый лирический жест и мы слышим настоящую народную песню, а герои стихотворения оказываются вписанными в особый эстетический ряд:

Бывало, часто, ночью темной
Я с ними время разделял,
И, помню, песням их внимал
С какой-то радостью невольной...
Но вот во тьме игра свирели,
Вот тихо под свирель запели...

А вот еще один лирический жест — русский, мощный, широкий, поддержаный «давлением» согласных (рв — гр — пр — др):

*Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Присит жизни другой!*
(«Русская песня», 1840)

Стихотворения часто содержат знаки очень безрадостной и горькой крестьянской жизни, непреодолимой нищеты, указывают на неприкосновенность героя и недостижимость счастья:

*И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И, погнувшись, изба,
Как старушка, стоит.*
(«Что ты спишишь, мужичок?..», 1839)

Однако все эти жалобы поэтические, и человек в лирике Кольцова обретает гармонию благодаря неподражаемым кольцовским (успокаивающим) интонациям, устремленности лирического сюжета в мир природы, его распахнутости, развернутости к жизни, а не от нее:

*Разрывайся, грудь моя!
Буду суженым не я —
Ты богатый, я без хаты —
Целый мир мои палаты!*
(«Терем», 1829)

Не все стихотворения поэта равноценны, но в лучших из них всегда ощущается свежесть и непосредственность, которая обусловила ту самую кольцовскую «подлинность», о которой говорили исследователи и которую чувствовали читатели:

*Что ты спишишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно...*
(«Что ты спишишь, мужичок?..», 1839)

* * *

Авторы настоящей статьи уверены, что стихотворения Кольцова ждут своих новых исследователей и читателей, что интерес к личности этого настоящего самородка снова пробудится.

Хотелось бы видеть в театре (например, Камерном) спектакль о Кольцове, но не «конфетный», а подобный тому, который был посвящен воронежской жизни Мандельштама. А. В. Кольцов был невероятно сложной личностью, и трагедия его судьбы еще не осмыслена до конца.

Будем надеяться, что образ выдающегося поэта снова вдохновит наших краеведов и литературоведов: преподавателей, аспирантов и студентов-филологов. Это задача «университетской площади» в широком смысле слова — университетов города Воронежа, музеев, библиотек. Что касается «Университетской Площади» в узком значении — нового журнала, то от него будем ждать новых интересных материалов (например, публикации фрагментов из упомянутой книги М. де Пуле). О Кольцове еще далеко не все сказано!

